

А. П. Люсий

**Тексты как личности: об авторский семиотике
И. Е. Фадеевой и В. А. Сулимова**

Рассматривается вклад И. Е. Фадеевой и В. А. Сулимова в развитие отечественной семиотики. Показывается актуальность их научной деятельности в деле обновления парадигмального базиса индивидуального сознания «человека-в-культуре» и дается оценка заявленной ими концепции национального семиозиса и его когнитивных механизмов, обуславливающих процесс самоконструирования русской культурно-национальной идентичности. Подчеркивается важность концептуального вывода исследователей, что национальный интертекст как форма существования культуры не является принадлежностью какого-либо одного уровня социокультурного семиозиса, но формируется в пространстве когнитивных переходов между ними.

Ключевые слова: семиозис, концептуализация, интертекст, дискурс, система, континуум, знак, кодирование.

A. P. Liusyi. Texts as personality: About author semiotics I. E. Fadeeva and V. A. Sulimov

The article is about the contribution of I. E. Fadeeva and V. A. Sulimov in the development of national semiotics. It shows the relevance of their scholarly activity in the renewal of the paradigmatic basis of individual consciousness of "human-in-culture" and gives an assessment of their concept of national semiosis and its cognitive mechanisms causing the process of self-design of Russian cultural-national identity. The author emphasizes the importance of the conceptual conclusion of the researchers that the national intertext as a form of existence of culture does not belong to any single level of sociocultural semiosis, but is formed in the space of cognitive transitions between different levels.

Keywords: semiosis, conceptualization, intertext, discourse, system, continuum, coding, sign.

Усложнение семиотических процессов — один из характерных признаков «текущей современности» (З. Бауман). Для И. Е. Фадеевой (1952—2017) и В. А. Сулимова (1952—2018) семиотика культуры стала и существенно обновленным ими предметом, и одновременно методом анализа, позволяющим проникать в существо многих социокультурных проблем, видеть и понимать трансформации индивидуального и социального сознания. Сознание современного человека было проанализировано ими в контексте текстовой деятельности и в максимально возможном приближении к одной из важнейших проблем современности — образованию человека в культуре.

Предложенная И. Е. Фадеевой и В. А. Сулимовым редакция термина *семиозис*, с последующей концептуальной и эксклюзивной конкретизацией *национальный семиозис*, стала их основным вкладом в области семиотики вообще и семиотики культуры в частности. Необходимость в такой концепции возникла в кризисной семиотической ситуации, когда в качестве наиболее общего, глобального признака культуры стал определяться её ризомный характер. Именно это качество как способ и одновременно образ построения и развития культуры стал определять набор методологических следствий, каковыми стали нелинейность и децентрализация её развития, «разбегание» культурных форм и семантики культуры, а также связанная с этим диверсификация общих стандартов — эстетических, этических, аксиологических, социальных. Такая внутренняя подвижность, процессуальность и нефинальность культуры в целом и вариантов ее бытия в частности вела к ликвидации «не только семантического центра, но и единого кода, который мог бы оказывать центрирующее действие» [1, с. 128].

Эти и некоторые другие признаки современной культуры, которые, в частности, связаны с процессом порождения и восприятия текстов культуры — семиозисом, с характером и способами бытия субъекта культуры (человека-в-культуре), имеют семиотически не стабильный (симметрично не воспроизводимый) вид. При этом «систематическая» культурная проекция на текст — проекция тезаурусного типа, легко описываемая как национально-культурная картина мира, становится «рваной» и многофакторной, превращается не только в «нестрогую цитату», а в цитату с другим смыслом и языко-

вым оформлением. Содержание, смысл такой цитаты, содержательный характер интертекста напрямую зависит от (а) актуального состояния и характеристики информационных каналов гипертекста (интеллектуального пространства культуры в положении «здесь и сейчас») и (б) готовности к интеллектуальной деятельности и способность интеллектуальной деятельности воспринимающего («понимающего») сознания [2, с. 3—4].

Возможность смысла не дается заранее, не извлекается из словаря или схемы, а понимание не реализуется в процессе стандартного перевода воспринимаемого текста на язык мысли («раскодирования»). Это делается «через след и через утверждение отсылания, через *протописьмо*, которое и представляет собой эту возможность «отсыланий», а также через работу со знаками», которая становится не только повседневным умением сознания художника и мыслителя, но и достоянием повседневной деятельности человека в культуре.

Так происходит изменение характера и способов организации интеллектуальной деятельности, теперь представляющей собой нелинейный процесс выстраивания индивидуального кода «под когнитивную задачу», под текст как внутреннюю интенцию понимания. Изменения затрагивают и внутреннюю структуру семиотического, знакового мышления человека, воспринимающего мир как полевое образование с переменными компонентами и границами. Такой тип мышления превращается в особое когнитивное состояние, включающее в себя когнитивную готовность к решению сложных интеллектуальных задач внутри себя, во внутренней «смысловой вселенной», онтологически не повторяющей внешнюю.

«Нелинейные модели предполагают анализ мышления как состояния когнитивного поля, которое соединяет моменты мышления в единую конфигурацию локальных различий, не связанных с материальными структурами, а являющихся матрицей локальных связей, функций и векторов. Состояние поля динамично и насыщено энергией», — так А. П. Огурцов обосновывает новый поворот к объекту в гуманитарном мышлении [3, с. 69]. В этом принципиальная разница философского и культурологического методов познания — И. Е. Фадеева и В. А. Сулимов, в процессе утверждения специфики культурологического познания, в таком же ключе оказались нацеле-

ны, исходя из новой объектности, на установление нового субъекта семиотической деятельности.

Да, семиотика в их исполнении становится герменевтической и субъектной наукой. Здесь, по-видимому, сказывается герменевтическое правило единства мыслительных форм (семиотически наблюдаемых явлений) и смыслов (семиотически предполагаемых явлений) в рамках интеллектуально ориентированных высказываний (текстов). Семиотика и герменевтика оказываются связанными в рамках одного — когнитивно-символического — подхода, возможности которого не только не исчерпаны, но и вовсе не оценены.

Таким образом, сверхзадачей сыктывкарских ученых стала попытка взглянуть на семиотические проблемы современной культуры в ее исторической динамике не только с точки зрения уже утвердившихся понятий, а с учетом их, понятий, исторической же изменчивости. Ведь мир современной культуры — это мир постоянных расхождений, утраты устойчивости и однозначности справедливых когда-то схем и моделей. Поскольку меняется сознание человека, вместе с ним меняется и семиотическое пространство. «Изменчивым является не только «план содержания» — изменчивой является сама структура знака: «треугольник» классической семиотики сменяется иными формами и конфигурациями, связи между его сторонами рвутся, открывая новые грани семиотики смысла» [2, с. 3].

Понятия языка культуры и текста культуры как независимого от формы, технологий и целей результата двойного процесса интерпретации/моделирования культурно-исторического опыта индивида, включающего в себя глубину культурно-исторической памяти и включенного тем самым в общую динамику культуры и социума, стали для Фадеевой и Сулимова центральными. Под семиозисом традиционно принято понимать процесс означивания смысла. Субъектом этого процесса предстает сознание обезличенного субъекта как усредненной нормы субъективности. Национальный же семиозис, в представлении этих исследователей, разворачивается как история не только в ее поверхностных, событийных, но и в глубинных, ментальных проявлениях. «Это процесс порождения и восприятия смыслов и их репрезентации в текстах культуры, по-

стоянного обновления и/или создания культурных языков и кодов. Национальный семиозис возникает как трансформация и передача смыслов в условиях накопления и развития логико-философских и дискурсивных практик, расширения информационных возможностей общества, усложнения форм и способов мышления, применение которых остро необходимо и индивидууму, и обществу» [2, с. 7].

И. Е. Фадеева и В. А. Сулимов так определяют основные когнитивные механизмы национального семиозиса: «концептуализация (построение логико-философских концепций мира), метафоризация (освоение мира через систему чувственных и художественных ассоциаций, образов), типизация (понимание мира как системы сходных по своему проявлению ситуаций, повествовательных единств (историй), качественных смысловых повторов). Информационные (или идеационные) источники русского национального семиозиса определяются так: система европейской науки и образования, система трансляции традиционной культуры и, что очень важно, — система трансцендентальной связи смыслов бытия (а значит — и культуры, и текстов культуры) с глубинными национальными символическими смыслами» [2, с. 7—8].

Эти источники обуславливают процесс самоконструирования русской культурно-национальной идентичности, который представляет собой «встраивание» своей культуры в определенный исторический фон. Такая нарративизация исторического процесса, начало которого авторы относят ко времени Ивана III, а продолжение связывают с Н. М. Карамзиным, превратила историю в предмет эстетической оценки, символически воспринимаемой целостностью, суггестивно воздействующей посредством интуитивно угаданных или рационально понятых архетипов и ценностей. Значимым был и процесс интериоризации текстов иных культур, которые, став фактом русского сознания, породили собственно русский интертекст. Это не только ряд мотивов, образов, сюжетов, но и возможности их интерпретации с помощью таких понятий, как «петербургский текст» русской культуры», «итальянский текст», «шиллеристский текст», «крымский текст», шеллингианский, ницшеанский и аналогичных других. Под «русским текстом» И. Фадеева и В. Сулимов понимают исследовательский конструкт, позволяющий рассматривать неко-

торые константы русской культуры — ценности, концепты, визуализированные или вербализованные смыслы, постоянно возобновляемые в новых социальных, исторических, культурных контекстах и порождающие нарративные модели и а-нарративные конструкции. Идентификационные модели складывающегося на протяжении двух последних столетий такого синтетического «русского текста», по мнению авторов, включили в себя две составляющие — экзистенциальную и маргинальную идентичности. «При этом маргинальное в рамках художественной рецепции позиционировалось как экзистенциальное (универсальная фигура Акакия Акакиевича стала, как известно, текстопорождающей моделью для русской литературы последующих столетий), а экзистенциальное обнаруживало себя в ситуациях маргинальности — “выброшенности” из мира или социума» [2, с. 226].

Тексты, собираемые в некоторые тематико-смысловые сгущения, суммарно составляют тот феномен, который также можно условно назвать вполне центрированными семиотическими империями, включающими в себя не только набор результирующих текстов (например, литературных), но и виртуально-визуальный ряд (фильмы, игровые и компьютерные версии, обучающие программы, картинки, символы, бренды и т. п.). Эти империи, к которым можно вполне отнести, к примеру, такие идеационные монстровые гиперобразования, как «Гарри Поттер», «Властелин колец» или, наконец, отечественный хит гиперпространственной коммуникации «Метро».

Авторы констатируют, что «выключение» или ослабление хотя бы одной из описанных выше систем когнитивного механизма может привести к прекращению воспроизводства текстов культуры — и, таким образом, к прекращению семиозиса. А это означает символическую смерть означаемого, более существенную, чем физическая смерть, которая может не прерывать процесс семиозиса. Систематическая не-реализация большинством субъектов культуры ее кода, концептуализированного или функционирующего под-сознательно, ведет к распаду «больших» социальных общностей. Таковы, в частности, результаты распада империй, потерявших или не нашедших общий код культуры, таковы результаты полиязыкового, поликультурного диссонанса, приведшего к развалу СССР.

Семиотически понимаемое Реальное, ссылаются авторы на С. Жижека («Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом») — это «не некая Вещь, которой нельзя достичь, а РАЗРЫВ, который лежит на нашем пути к ней, “скала” антагонизма, которая искажает наше видение воспринимаемого объекта, создавая частную, пристрастную перспективу» [2, с. 74]. На мой взгляд, это выглядит как невольная характеристика главного нашего «разрыв-текста», Петербургского текста русской культуры, с его каноническим монументом — Медным всадником, взмывающим со скалы архетипичного русского антагонизма. На взгляд же авторов, идея разрывности истины коррелирует с концепцией диалогичности смысла М. М. Бахтина, с его мыслью о том, что смысл может быть передан лишь посредством другого смысла, не только определяя нацеленность исследователя на диалог (диалог интерпретаций), но и перенося центр внимания на процесс продуцирования смысла как единственного способа существования сознания и самосознания (существования «Я»).

Континуальность психики и дискретность сознания создают то пространство разрыва, которое определяет необходимость креативных (когнитивных) усилий культуротворческих интенций. Осуществляя «интервенцию» (А. Бадью) смысла и создавая «плюралистическую вселенную», человек всегда творит не только субъективно опознаваемую индивидуальную «картину мира», но культуру как бесконечно пульсирующее пространство интеракции и переозначивания. Задача культурологии — ухватить ритмы и разрывы этой пульсации, пытаюсь угадать тот образ человека, который рождается из этих разрывов и ритмов.

Средоточие экзистенциального опыта (как предельно переживаемого, или переживаемого в предельных — «пограничных» — ситуациях, и тем самым противопоставленного повседневности) и область трансцендентного — предельно не-переживаемого — образует ту точку, в которой происходит «возгорание» смысла. Экзистенциальная природа смысла диктует меру его неопределенности; человек должен «подойти к границе, чтобы ощутить свою трансцендентность» (К. Ясперс) [2, с. 12].

По мнению И. Е. Фадеевой и В. А. Сулимова, наиболее значимым предметом культурологии является переход (система трансфор-

маций) из сферы смысла (включая сюда его онтологические, ценностные, когнитивные и эстетические параметры) в репрезентативные модели: артефактические, идеационные, поведенческие, действительностные, эмотивные. Такие репрезентирующие смысл модели и предлагается называть текстами культуры, расширив тем самым понимание текста в сферу процессуального и качественно меняя исследовательскую оптику. При этом в центр внимания помещается не семиотика означающего (включающая в себя в числе прочего и семантику), а процесс семантизации, означивания непроявленного — эстетического, экзистенциального, континуального субстрата.

Современная герменевтическая семиотика, утверждают авторы, это семиотика антропологическая, в центре которой новый феномен символической реальности — интеллектуальный субъект. Аспектом такого субъекта является, прежде всего, основной субъект современной текстовой деятельности (включающий в себя не только собственно человека, но и интегрирующее интеллектуальное устройство — текст). Но он также и основное «действующее лицо» интеллектуального пространства культуры, главный субъект образовательного пространства.

В семиотическом смысле интеллектуальный субъект есть **«оплотненный дискурс»**, который образуется в результате когнитивной реализации превосходства идиолекта над социолектом, заменившим стандартизированный национальный литературный язык. То есть историческая изменяемость текстуального присутствия индивидуального сознания в мире, начиная с логико-синтаксических моделей и образно-метафорических особенностей и заканчивая сюжетно-композиционными формами, определяется в конечном счете изменениями сознания, а не социальными, экономическими, идеологическими или политическими факторами.

Важный пункт семиотики И. Фадеевой и В. Сулимова — различение интерграницного и трансграницного мышлений. Первое из них — это мышление в рамках закрытых систем. Оно порождает пространство ошибочности всякого суждения, ситуацию падения смыслов, превращения их в систему мертвых определений («инструкцию по эксплуатации»). Второе — исторически сложившееся свойство (и привилегия) европейской цивилизации — стало

результатом изначальной креативности европейской культуры, позволившей выйти за пределы замкнутой системности (и повседневности). Отталкиваясь от понимания философом О. К. Румянцевым творчества как «разрушения границ, неважно — с природой или обществом (в этом смысле как экстаз), и потому трансцендентного», авторы утверждают экстазирующую силу креативности, возникающую как эффект преодоления границы (например, границы повседневной компетентности), в основе которой лежит набор интеллектуальных практик, преимущественно конструирование и воспроизведение [2, с. 73].

Еще одно из опознаваемых авторами пространств — кодовое пространство, представляющее собой когнитивно ориентированное смешение текстов и языков культуры, индивидуальных и социальных стилей, бесконечного ряда образных и символических форм и т. п. «Код “распаковывает” текстовую деятельность и семиозис в целом как центральный фактор когнитивного существования человека и общества. Вследствие этого «борьба за семиозис» все в возрастающей степени становится не только предметом научных дискуссий, но и базовым компонентом ответственной государственной политики, пригодной для моделирования «необходимого будущего» в его наиболее эффективной форме» [2, с. 92]. «Поэтому наиболее релевантным представлением о коде является, на наш взгляд, представление о нем не как о закрытой и самотождественной системе корреляций означающих и означаемых (идеологии), а как об открытом процессе кодирования и интерпретации, допускающем (под воздействием идеологий или дискурсивных практик) возможность множественности, незавершенности и параллельности описания проявленной реальности. По мнению У. Эко, явление поливариативной (“многокодовой”) реальности представляет собой процесс, “в котором сообщение меняется по мере того, как меняются коды, а использование тех или иных кодов диктуется идеологией и обстоятельствами, при этом вся знаковая система непрерывно перестраивается на основе опыта декофикации, и весь процесс предстает как *поступательное движение семиозиса*”» [2, с. 98].

Можно ли представить культуру как систему, как об этом писали в известной монографии («Культура как система») А. А. Пелипенко

и И. Г. Яковенко? [4] В частности, как систему текстов культуры, как пытался это сделать автор этих строк? [5] По мнению И. Фадеевой и В. Сулимова, в силу наличия символического слоя национальный культурный интертекст в целом **представлен в виде системы быть не может**. Это континуум, то есть переплетение символов, образов, мотивов и смыслов в совокупности со стратегиями их означивания и интерпретации, которое складывалось и продолжает складываться в историческом движении культуры. Именно символический, суггестивно-аффективный «слой» обуславливает континуальный, логически недифференцированный, а не системный характер интертекста как такового. В то же время национальный интертекст как форма существования культуры не является принадлежностью какого-либо одного уровня социокультурного семиозиса, но формируется в пространстве когнитивных переходов между ними.

В то же время, оценивая концепцию автора этих строк о русской культуре (выраженной прежде всего в литературе) как системы локальных текстов, И. Е. Фадеева в предисловии к моей книге «Московский текст: Текстологическая концепция русской культуры» (М., 2013) признает, что «масштабность задачи оправдана значимостью Московского текста для российской цивилизации: составляя основу национального самосознания, являясь эпицентром национального семиозиса, этот текст как бы вбирает в себя русское пространство и русскую историю. Двуетное движение — втягивание российского пространства в российское историческое время, центрированное Москвой, и исторического времени — в пространство Московского текста, делает его своего рода лакмусовой бумажкой русского цивилизационного развития. Описывающие себя и тем самым самовозрастающие тексты, связанные единством геополитического (и геопозитического) локуса — Москвой, сплавляют в единый узел исторические аллюзии, художественные движения, разбегающиеся от моря и до моря географическое пространство» [5, с. 5].

Сжатость последних столетий русской истории, оплотнив время, спроецировала его на плоскость нескольких исторически кратких отрезков: время, сгущенное в плоскости настоящего, стало *текстом культуры*, целостностью, определяющей историю. Отсюда отмеченная значимость Петербургского текста, провидчески обнаруженно-

го В. Н. Топоровым в пространстве русской ментальности, почти не имевшей — до XVIII века — исторической наррации, превратившей историческую последовательность в визуальный ее образ, в цитату, в музей — эфемерное и прекрасное пространство Санкт-Петербурга. Но отсюда значимость и Московского текста в его радикальном отличии от Петербургского. Если Петербургский текст, сгустив историческое время, жвав его до чеканного абриса визуального образа, вобрал в себя мировую культуру и всемирную историю, то Московский — реализовал центростремительные интенции российского пространства, став текстом, структура которого оказалась динамичной, протяженной во времени, не встраивающейся в фокус взгляда единого наблюдателя. И так, Московский текст — прямая противоположность Петербургскому: не время, сжатое до пространственного визуального образа, чреватого временем литературных нарраций, а бесконечное пространство, оплотненное в движении истории.

«Культурный интертекст, — возвращаемся к итоговой монографии исследователей «Семиозис», — (то есть пульсирующее, не системное континуальное целое) составляет одно из важнейших оснований национального самообоснования — амбивалентного процесса созидания/разрушения идентичности. Причем именно интертекст становится опытом трансформации дискретности культуры в ее непрерывность, когерентность: он выстраивает связи и семиотические скрепы, минуя идеологемы и другие способы легитимации “здесь и сейчас” посредством Письма» [2, с. 74].

Состояния семантической избыточности и/или семантической недостаточности стали важным фактором становления человека как субъекта современного культурно-информационного пространства. Первое из них (аффект семантической избыточности) создает ситуацию неудовлетворенности индивидуума набором значений и знаков, существующих в виде неупорядоченного личного словаря-тезауруса. Семантическая избыточность порождает ощущение информационной пустоты, фрагментации, а-парадигмальности и а-синтагматичности воспринимаемой информации, не включенной к тому же в прагматический уровень повседневной деятельности индивида, что лишний раз свидетельствует о деструктивных семиотических процессах, требуя либо перехода на более высокий уровень

абстракции, либо на иную систему кодов. Второй (аффект семантической недостаточности) проявляет себя как стремление создать новый словарь-тезаурус, позволяющий решить важную когнитивную задачу в новой системе координат.

Нельзя не согласиться с итоговым выводом авторов, что важнейшим для современного состояния становится *культурологический дискурс*, который переинтерпретирует (и переструктурирует) проблематику других наук, вводя их интеллектуальные наработки в широкий гуманитарный контекст. «Специфика метода понимания и интерпретации здесь позволяет включать в предметное поле различные социально-культурные феномены, выступающие объектом анализа других социально-гуманитарных наук» [2, с. 237]. Современная концепция русской истории также *может быть только культурологической*, что смыкается с постулированием культурологии как одной из исторических наук, но не исчерпывается им. Ведь понимание целостности и смысла русской или мировой истории, как и историко-литературного или историко-художественного процесса, может быть обусловлено все же пониманием культуры как *универсальной* самоорганизующейся и саморазвивающейся системы, определяющей бытие человека в его культурно-антропологическом, экзистенциальном, профессиональном и аксиологическом измерении. Отсюда государствосберегающая роль культурологии как особой интегративной сферы современного знания. Именно посредством освоения культурологической проблематики индивид способен сформировать индивидуальную картину мира, перейти к самостоятельному выстраиванию гипертекста культуры и пониманию собственной личности как человека-в-культуре, что позволяет выстроить верную стратегию современного образования. В уяснении этого заключается значение учения И. Фадеевой и В. Сулимова о семиозисе и субъективной антропологии символической реальности.

Что касается цивилизационной роли культурного текста (метатекста, локального текста), И. А. Фадеева уточняет позицию в развернутой рецензии на книгу автора этих строк «Новейший Аввакум: Текстуальная революция в России в свете Первой мировой Крымской семантической войны» (Saarbrücken: LAP, 2012): «...Культурный текст

— это «рационально обоснованный миф, то есть “вещь” или культурный артефакт, способный производить рефлексивную (психическую и интеллектуальную) работу, позволяющую достичь семантическому когерентному дискурсу “Россия” идеальной цели — обрести статус цивилизации, или цивилизационной системы». С этим нельзя не согласиться, однако с одной поправкой: обрести статус цивилизации, признаваемой иным сознанием, — не только интериоризованным, присвоенным своей культурой, но и иным как внешним, как ино-родным» [6].

В одной из последних статей В. А. Сулимов, развивая идею семиотической литературоцентричности, пишет, что «выбор этой области в качестве объекта культурологического исследования обусловлен в том числе тем, что русский литературный текст постсовременности демонстрирует те же качества, что и иные тексты культуры, например визуальные. Кроме того, литературные тексты демонстрируют большую «открытость» в деятельности когнитивных механизмов. К ярким и вполне сформировавшимся качествам текстов культуры относится трансформационность, пределы которой определяются (а) ассоциативными возможностями индивидуального сознания участников текстовой деятельности и (б) когнитивными характеристиками самого текста, задающего пределы собственной интерпретации. Качество трансформационности, являясь следствием континуальной или не-бинарной семиотики, оказывается главным фактором функционирования текста как ментальной основы семиозиса» [7].

Постулируется бытие *текста как личности*, инспирирование текстами «новой реальности», охватывающей все большее текстовое идеационное пространство. Это вызывает постперсоналистское изменение бытия индивидуума в виртуализированном контексте, превращение «реальной» (реактивной — в смысле господствующих психических механизмов) повседневности в «виртуальную» (рефлексивную или даже гипер-рефлексивную). Гипер-рефлексивная (при том, что гиперрефлексивный уровень И. Е. Фадеевой и В. А. Сулимова уникален) соотнесенность интертекста, интерсубъективности и виртуальности задает направление дальнейших гуманитарных исследований.

Надеюсь, данные размышления послужат началом масштабного обсуждения вклада И. Е. Фадеевой и В. А. Сулимова в отечественную гуманитаристику в контексте перспектив издания их наследия во всей своей полноте.

Библиографический список

1. Губин В. Д., Некрасова Е. Н. Человек в трех измерениях. М.: Изд-во РГГУ, 2010. 336 с.
2. Фадеева И. Е., Сулимов В. А. Семиозис: Субъективная антропология символической реальности. СПб.: Изд-во «Астерион», 2013. 252 с.
3. Огурцов А. П. Новый поворот к объекту в современном мышлении // Постнеклассика: философия, наука, культура: коллективная монография / отв. ред. Л. П. Киященко и В. С. Степин. СПб.: Издательский дом «Мирб», 2009. С. 58—72.
4. Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. Структурная морфология культуры. Единство онто- и филогенеза. Изоморфизм мышления и историко-культурной феноменологии. М.: Языки русской культуры, 1998. 271 с.
5. Люсьи А. П. Московский текст: Текстологическая концепция русской культуры. М.: Издательский дом «Вече», ООО «Русский импульс», 2013. 320 с.
6. Фадеева И. Е. Текстуальные революции как феномен российской цивилизации: от геоэтики к геосемиотике // Культурологический журнал. 2012/3(9). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/157.html&j_id=11
7. Сулимов В. А. Самоотрансценденция и преодоление: аспекты смысловой деятельности // Человек. Культура. Образование. 2018. № 2. С. 40—48.

Reference

1. Gubin V. D., Nekrasova E. N. *Chelovek v trekh izmereniyah* [Man in three dimensions]. M., Izd-vo RGGU, 2010, 336 p. (In Russ.)
2. Fadeeva I. E., Sulimov V. A. *Semiozis: Sub»ektivnaya antropologiya simvolicheskoy real'nosti* [Semiosis: Subjective anthropology of symbolic reality]. St. Petersburg, Izdatel'stvo «Asterion», 2013, 252 p. (In Russ.)
3. Ogurcov A. P. *Novyj povorot k ob»ektu v sovremennom myshlenii* [New turn to the object in modern thinking]. *Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura*:

Kollektivnaya monografiya [Post-non-classical: philosophy, science, culture: Collective monograph] Otv. red. L. P. Kiyashchenko i B. C. Stepin. St. Petersburg, Izdatel'skij dom «Mipb», 2009, pp. 58—72. (In Russ.)

4. Pelipenko A. A., Yakovenko I. G. *Kul'tura kak sistema. Strukturnaya morfologiya kul'tury. Edinstvo onto- i filogeneza. Izomorfizm myshleniya i istoriko-kul'turnoj fenomenologii* [Culture as a system. Structural morphology of culture. The unity of onto and phylogenesis. Isomorphism of thinking and historical and cultural phenomenolog]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury, 1998, 271 p. (In Russ.)

5. Lyusyj A. P. *Moskovskij tekst: Tekstologicheskaya koncepciya russkoj kul'tury* [Moscow text: Textological concept of Russian culture]. M.: Izdatel'skij dom «Veche», OOO «Russkij impul's», 2013, 320 p. (In Russ.)

6. Fadeeva I. E. *Tekstual'nye revolyucii kak fenomen rossijskoj civilizacii: ot geopoetiki k geosemiotike* [Textual revolutions as a phenomenon of Russian civilization: from geo-ethics to geo-semiotics]. *Kul'turologicheskij zhurnal* [Cultural journal]. 2012/3(9). Available at: http://cr-journal.ru/rus/journals/157.html&j_id=11 (In Russ.)

7. Sulimov V. A. *Samotranscendenciya i preodolenie: aspekty smyslovoj deyatel'nosti* [Self-transcendence and overcoming: aspects of semantic activity]. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Human. Culture. Education]. 2018, no. 2, pp. 40—48. (In Russ.)